

Евтеева Мария Юрьевна

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ЯВЛЕНИЙ ПЛАТЕОСЕМИИ И ПОЛИСЕМИИ

В данной статье проблема разграничения явлений платееосемии и полисемии решается на основании результатов исследования глаголов широкой семантики с общим значением делать. Основные отличия широкозначных и многозначных единиц связаны с принципами семантического построения, которое в случае платееосеманта возможно на основании прототипического подхода при выделении инварианта, соотносимого с широким значением. Другими чертами широкозначной единицы являются: способность вступать в гиперо-гипонимические отношения, референциальная функция, полифункциональность.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2013/8-1/16.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26): в 2-х ч. Ч. I. С. 65-70. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2013/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

Таким образом, миниатюра как поэтическая форма, в которую органично вписывается парадокс, наиболее полно позволяет выразить суть дзэнского переживания, а именно единство человека и природы и цельность восприятия Единого.

Список литературы

1. Блайс Р. Х. Золотой век дзэн: антология классических коанов дзэн эпохи Тан. СПб.: Издательская группа «Евразия», 2001.
2. Ковабата Я. Красотой Японии рожденный // Избранные произведения / пер. с яп.; послесл. Т. Григорьевой; коммент. Т. Григорьевой, В. Марковой, Б. Раскина; худож. А. Музанов. М.: Панорама, 1993.
3. Лури Д. Д. Восемь Врат Дзэн. Программа практики дзэн. М.: ООО София, 2007.
4. Померанц Г. Парадоксы дзэн // Наука и религия. 1989. № 5. С. 38-41.
5. Савилов Е. Д. Дзэн-буддизм и классическая японская поэзия: взгляд дилетанта на старую проблему. М.: Наталис, 2009.
6. Судзуки Д. Основы дзэн-буддизма // Дзэн-буддизм. Судзуки Д. Основы Дзэн-буддизма. Кацуки С. Практика дзэн. Бишкек: МП «Одиссей», 1993.
7. Уотс А. В. Путь дзэн. Киев: София, 1993.
8. Файнфельд И. А. Алхимия чтения: медитативная повесть. М.: Спутник+, 2013.
9. Файнфельд И. А. Дзэн для самого себя. М.: Спутник+, 2011.
10. Файнфельд И. А. Краткое введение в психологию Востока (буддизм, даосизм, конфуцианство, дзэн): монография. М.: Спутник+, 2013. 187 с.
11. Файнфельд И. А. Некоторые психологические аспекты дзэнских коанов // Проблема личности в образовательном процессе. М.: Спутник+, 2012. С. 62-67.
12. Файнфельд И. А. О феномене «пустоты» в восточной философии // Человек в системе социальных и культурных взаимодействий: сб. науч. трудов междунар. науч.-практ. конф. Биробиджан, 2008 г. С. 95-99.
13. Файнфельд И. А. Россия и Китай: отношения на новое тысячелетие // Вестник ДВО РАН. 2000. № 1.
14. Файнфельд И. А. Трансформация сознания в дзэн-буддизме // Вестник Приамурского государственного университета им. Шолом-Алейхема. 2010. № 1-1. С. 95-113.
15. Файнфельд И. А., Шаповалова О. Е., Серёжникова Р. К., Фишман Б. Е. Воспитание и духовное развитие в философско-религиозных системах Востока (буддизм, даосизм, конфуцианство) // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. 2012. № 5. С. 94-100.
16. Хамфриз К. Дзэн-буддизм. М.: ФАИР-ПРЕСС, 2002. 320 с.

ZEN MINIATURES IN POETRY OF I. A. FAINFEL'D

Dmitrieva Elena Viktorovna

Amur Region State University named after Sholom-Aleikhem
evdmitrieva2013@yandex.ru

The author analyzes the Zen miniatures in I. A. Fainfel'd's poetry, in which the poet refers to the basis of consciousness, which implies freedom from all conditionality, according to the author, the miniature as a poetic form, into which the paradox organically fits, best allows expressing the essence of Zen experience, namely, the unity of a man and nature and the integrity of the perception of the One.

Key words and phrases: Zen Buddhism; miniature; duality of consciousness; enlightenment.

УДК 81-13

Филологические науки

*В данной статье проблема разграничения явлений платеесемии и полисемии решается на основании результатов исследования глаголов широкой семантики с общим значением **делать**. Основные отличия широкозначных и многозначных единиц связаны с принципами семантического построения, которое в случае платеесеманта возможно на основании прототипического подхода при выделении инварианта, соотносимого с широким значением. Другими чертами широкозначной единицы являются: способность вступать в гипер-гипонимические отношения, референциальная функция, полифункциональность.*

Ключевые слова и фразы: семантическая структура; платеесемия; полисемия; прототипическое значение; инвариант.

Евтеева Мария Юрьевна

Московский городской педагогический университет
korchagina_masha@yahoo.com

К ВОПРОСУ О РАЗГРАНИЧЕНИИ ЯВЛЕНИЙ ПЛАТЕОСЕМИИ И ПОЛИСЕМИИ©

Проблема широкозначности (платеесемии) начала привлекать внимание лингвистов ещё в середине XX века в связи с исследованием связочных глаголов английского языка в составе именного сказуемого. Этой теме

были посвящены работы В. Н. Ярцевой, Т. М. Беляевой, в которых широкое значение указанных единиц характеризуется как отвлечённое, крайне обобщённое понятие [18, с. 33-34], а также отмечается перераспределение лексического и грамматического значений между компонентами составного именного сказуемого. Однако определение этого явления было сформулировано значительно позже Н. Н. Амосовой в 1963 году, понимавшей под широкозначностью «значение, содержащее максимальную степень обобщения, проявляющееся в чистом виде лишь в условиях изоляции слова из речи и получающее известное сужение и конкретизацию при употреблении данного слова в речи» [2, с. 114]. Тем не менее, как представляется, это определение вполне подходит и для многозначности (полисемии), так как конкретный лексико-семантический вариант (ЛСВ) анализируется именно в контексте. В свою очередь, для многозначности в Словаре лингвистических терминов О. С. Ахмановой находим определение: «наличие у одного и того же слова нескольких связанных между собой значений, обычно возникающих в результате видоизменения и развития первоначального значения этого слова» [3, с. 335], как будет показано ниже, это определение соответствует и явлению широкозначности.

Проблема широкозначности не теряет своей актуальности и сейчас. В целом за единицами широкой семантики (платеосемантами) исследователи признают ряд взаимосвязанных и нередко дублирующих друг друга свойств:

- наличие единственного широкого значения (инварианта, прототипа или инварианта-прототипа), полиденотативность, соотносённость с понятием широкого объёма (что в принципе является проявлением одного и того же свойства);
- контекстная обусловленность подзначений, не выделяемых в целостной структуре слова, и, соответственно, отсутствие отношений семантической производности;
- высокая частотность употребления;
- синсемантизм;
- синкретизм;
- способность к грамматикализации;
- десемантизация.

Основой исследований становится в первую очередь анализ словарных дефиниций. Так, Н. В. Иевлева [8], изучавшая фундаментальный глагол действия в языках различных групп и исходившая на первом этапе исследования из представленных в ряде словарей толкований, отмечает, что значение широкозначного глагола едино и соотносится с его инвариантным значением, на базе которого формируются различные функциональные смыслы, существующие в рамках определённых контекстов. Для глаголов типа *делать* выделяется более 50 таких смыслов. Автор указывает, что все такие глаголы обозначают «действие» как таковое, не указывая на его характер в силу абстрактности лексического значения. Таким образом, не делается различия в тех случаях, когда ядро поля *действия* представлено двумя-тремя глаголами. Семантика глагола соотносится в работе с инвариантным значением «действие» и рядом многочисленных функциональных смыслов, вследствие чего значение глаголов, по сути, остаётся неопределённым.

Можно утверждать, что на данный момент в целом остаётся нерешённым целый ряд основополагающих вопросов, связанных с явлением платеосемии, а именно:

- нет чёткой методики описания инварианта широкозначной единицы из-за его крайней абстрактности и обобщённости;
- не решена проблема представления семантической структуры платеосеманта;
- остаётся открытым вопрос о соотношении широкозначности и многозначности;
- нет удовлетворительного решения в плане определения различий между платеосемией и полисемией.

Как представляется, с решением перечисленных проблем сопряжено главным образом представление о прототипе и инварианте, определяемых учёными по-разному, некоторыми лингвистами эти термины употребляются не дифференцированно. Тем не менее, целесообразно развести эти понятия. Вслед за А. В. Бондарко под **прототипом** мы понимаем «наиболее репрезентативный вариант определённого инвариантного системного объекта, характеризующийся наибольшей специфичностью (концентрацией специфических признаков данного объекта), способностью к воздействию на производные варианты (...) и (во многих случаях) наиболее высокой степенью регулярности функционирования» [4]. В свою очередь, **инвариант** определяется как «абстрактное обозначение одной и той же сущности (напр., одной и той же единицы) в отвлечении от её конкретных модификаций-вариантов» [13, с. 81]. Употребляя понятие абстрактность, мы имеем в виду представление только того общего, что есть у всех значений слова, и инвариант как выразитель этого общего позволяет говорить о тождестве слова.

Решение проблемы роли прототипа и инварианта в семантической структуре платеосеманта предлагается на основании исследования семантики глаголов с общим значением *делать* (*machen, tun, делать, taisīt, darīt*) с применением гипотетико-дедуктивного метода на материале трёх языков (немецкого, русского и латышского), общий объём выборки по которым составил 6360 высказываний. Было установлено, что семантическая структура платеосеманта может быть построена на основании **выделения у него прототипических значений**, которых может быть **больше чем одно**. Иными словами, точка зрения ряда учёных, полагающих, что «единое смысловое ядро» у слов широкой семантики выделить невозможно (см., например, [2, с. 115; 15, с. 61-62]), не представляется вполне обоснованной. Заметим, что число прототипических значений у глагола широкой семантики не бесконечно в соответствии со всеми возможными контекстуальными употреблениями, но строго ограничено для каждого глагола. Это было подтверждено в том числе анализом примеров, в которых имеют место различные диатетические сдвиги (в исследование были включены высказывания с возвратными глаголами, образованными посредством возвратных формантов от исследуемых единиц).

Было установлено, что каждое из прототипических значений глаголов с общим значением *делать* определяется группой постоянных признаков:

– прототип *создание объекта*: *создание объекта, иная качественная определённость объекта, необратимость ситуации*;

– прототип *преобразование объекта*: *преобразование объекта, сохранение качественной определённости объекта, обратимость ситуации*;

– прототип *реализация кванта действия*: *фиксация действия, отсутствие его спецификации*.

Однако основополагающим представляется признак *наличия* или *отсутствия ориентации на внутреннюю структуру события*. Его добавление в группу признаков прототипа определяется условиями конкретного языка, а именно тем, как внешне схожие явления внеязыковой действительности осмысливаются в языке и более или менее непосредственно отражаются через значение слова. Указанный признак как *наличие ориентации* входит в группу признаков, определяющих прототип *создание объекта* (*machen1, taisīt1, darīt1, делать1*), её *отсутствие* – в группу для значения *реализация кванта действия* (*tun, darīt3, делать3*). В свою очередь, в группе признаков прототипа *преобразование объекта* может быть как *наличие* (*machen2, taisīt2, делать2*), так и *отсутствие ориентации на внутреннюю структуру события* (*darīt2*).

Кроме того, было установлено, что в основе семантической деривации прототипов лежат **механизмы метафоры и метонимии**, которые ранее считались прерогативой полисемии. При этом развитие идёт как от прототипа к прототипу, так и в рамках каждого отдельного прототипа. Структурная метафора, по Дж. Лакоффу и М. Джонсону, использование одного высокоструктурированного и чётко выделяемого понятия для структурирования другого [12, с. 97], позволяет через образ «создания преобразования» сравнить конкретный физический опыт *создания физического объекта* (*machen1, darīt1, taisīt1, делать1*) с ситуацией *преобразования физического объекта* (*machen2, darīt2, taisīt2, делать2*). В свою очередь, онтологическая метафора, то есть способ восприятия нематериального как материального, позволила сравнить ситуацию *преобразования нефизических объектов* (*darīt2*) с ситуацией *реализации кванта действия* (*darīt3*). На основе онтологической метафоры происходит также семантическое развитие в рамках прототипического значения *создание объекта*: путём скрытого сравнения создания нефизических объектов с физическими (*machen1, taisīt1, делать1*), а также единственного прототипического значения *реализация кванта действия* глагола *tun*. Кроме того, сам **инвариант** как абстрактное обозначение одной и той же сущности может стать инструментом развития значения (что имеет место при образовании значения *делать3* из значений *делать1+делать2*). Метонимический перенос – причинно-следственная метонимия – действует в рамках прототипа *преобразование объекта* (*darīt2, делать2, machen2*). В свою очередь, развитие значения *реализация кванта действия* (*darīt3, делать3*) происходит за счёт **конкретизации** аксиологического характера по шкале «плохо»-«нейтрально»-«хорошо». Необходимо подчеркнуть, что при семантическом развитии в рамках одного прототипического значения новые значения глагола не создаются. При этом, несмотря на наличие деривационных отношений, **выстроить иерархию прототипических значений невозможно**.

В отношении **инвариантного значения** платее семанта предлагается следующее решение. Представляется возможным соотнести инвариантное значение платее семанта с самым широким значением, называемым действием. Набор прототипов того или иного глагола осознаётся как целостность – инвариант, которому соответствует определённый знак – слово (*machen, tun, taisīt, darīt, делать*). При этом инвариант чётко осознаётся носителями языка, в то время как прототипические значения могут полностью и не осознаваться, так как часто не важно, как человек представляет себе денотативную ситуацию. Вряд ли, человек каждый раз, особенно в ситуации коммуникативного цейтнота, делает выбор между *созданием, преобразованием* или *квантом действия*. Он часто интуитивно выбирает конкретный глагол, например, *machen* или *tun, taisīt* или *darīt*. В этой связи процитируем слова О. Н. Селивёрстовой, которая писала, что «степень осознаваемости деления означаемого на составляющие может быть различной – владение языком вообще лежит на грани сознательного и бессознательного» [16, с. 43]. Посредством предложенной трактовки инварианта платее семанта частично находит подтверждение идея о том, что широкозначное слово обозначает одно широкое понятие, вбирающее в себя целый ряд значений и оттенков [2, с. 114; 10, с. 11; 14, с. 48–49]. В отношении инвариантного значения платее семанта, действительно надо признать его единственность в отличие от прототипических значений, которых может быть несколько.

Выделенные особенности широкозначных глаголов с общим значением *делать* представляются релевантными и для других единиц с широким объёмом значения, что позволяет по-новому взглянуть на поднимаемую проблематику *широкозначность vs многозначность*. На основании сделанных выводов целесообразно предложить ряд параметров, по которым можно провести демаркационную линию между этими явлениями.

Основой построения семантической структуры у платее семанта является **прототипическое значение**, у полисеманта – **ЛСВ**. Такое различие отмечает и Е. С. Кубрякова, когда противопоставляет категории, построенные по прототипическим признакам, категориям, в рамках которых переход от одного кластера к другому сопряжён с изменением главного признака этого кластера [11, с. 17]. Исследователь, однако, не соотносит это непосредственно с широкозначностью и многозначностью, как и не отмечает наличие деривационных отношений между прототипами.

Разница между этими основаниями семантических структур заключается в том, что прототип, отличающийся концентрацией специфических признаков объекта и выступающий как источник производности, способен описывать практически бесконечное число объектов ситуаций, соответствующих признакам, определяющим этот прототип, и позволяет легко их идентифицировать. ЛСВ, в свою очередь, имеет определённое сигнификативное и денотативное значение. Прототип, в отличие от ЛСВ, не является самостоятельной языковой единицей, вследствие чего здесь не может возникнуть вопроса о том, являются прототипы значениями

одной единицы или представляют собой омонимы, что нередко имеет место в случае ЛСВ. При этом, будучи интенциональными, то есть непосредственно выражающими намерения говорящего, и актуализирующимися каждый раз в контексте, прототипы часто не осознаются, в то время как в отношении ЛСВ этого утверждать нельзя – они чётко идентифицируются. ЛСВ полисеманта является самостоятельной, обладающей собственными сигнификативным и денотативным значениями, единицей языковой системы [10, с. 12].

Следующим параметром является сводимость прототипических значений к единому **инварианту**, представленному широким значением слова и совпадающим с самим словом. Между инвариантами платеесеманта и полисеманта существует принципиальная разница. Отличие заключается в том, что в первом случае инвариант уже присутствует в языке в виде широкого значения и при употреблении слова в речи чётко осознаётся говорящим, а во втором – он является «научной дескрипцией» вербального явления, которая вряд ли может находиться «в языковой способности обычного носителя языка» [17, с. 123]. Кроме того, оба инварианта отличаются ролью в построении семантической структуры слова. В то время как для описания значения платеесеманта инвариант, как данность самого языка в виде широкого значения, необходим, то в структуре полисеманта он не обязателен как «гипотетический вариант значения, реально в языке не существующий» [10, с. 13]. И хотя прототипические значения платеесеманта также являются дескрипцией, они структурируют широкое значение и тем самым являются незаменимым элементом при семантическом моделировании.

Помимо этого следует напомнить, что инвариант платеесеманта сам может стать основой развития широкого значения, как это имеет место в случае глагола *делать*. В инвариантном же значении многозначной единицы путём логических операций сосредоточено то общее, что объединяет её ЛСВ, это может быть лишь инструмент познания лингвиста, но не деривационный механизм.

Выше было показано, что **деривационные отношения** определяют связь как ЛСВ многозначных слов, так и прототипов широкозначных. Можно предположить, что различие заключается здесь в характере семантического переноса как основы развития нового значения. В случае платеесемии семантическое развитие от прототипа к прототипу происходит главным образом за счёт **метафоры**, а при полисемии – как посредством метафоры, так и метонимии. Данное предположение требует, однако, специального исследования более широкого круга единиц, что не входит в задачи данной работы. Кроме того, для платеесемии отличительным является то, что развитие имеет место также **в рамках самого прототипа**, при этом не происходит создание новых прототипических значений.

Следующее отличие рассматриваемых явлений отмечается в плане отсутствия **иерархии значений** в семантической структуре платеесеманта и обязательном наличии её у полисеманта. В последнем случае «главенствующую роль играет всегда одно – основное, или главное значение; все остальные значения прямо либо косвенно подчинены главному», хотя структура и может видоизменяться в ходе исторического развития» [9, с. 59].

Можно предположить, что ещё одна характерная черта глаголов широкой семантики заключается в том, что более **«молодые» прототипические значения** являются более **употребительными**, хотя они появляются путём развития первых значений на фоне усиливающегося абстрагирования. В свою очередь, первичные значения, за счёт которых происходит семантическая деривация, относительно менее употребимые, при том что это происходит как в горизонтальной плоскости (непосредственная связь между значениями), так и в вертикальной (при развитии в рамках каждого отдельного значения). У слов многозначных, напротив, наибольшей частотностью отличаются основные (первые) значения [5, с. 144], служащие базой для развития других ЛСВ.

Продолжая рассуждения об отдельных значениях в структуре слов, предложим ещё один различительный параметр: **значение слова в речи**. Все сосуществующие в семантической структуре многозначного слова ЛСВ при употреблении слова в речи не действуют, кроме одного [2, с. 114]. Однако, как представляется, в случае платеесемии действие контекста всё же несколько иное – он «высвечивает» непосредственное прототипическое значение, но отбор происходит между словами или выражениями, представляющими собой относительные синонимы. Таким образом, можно говорить о том, что в речи употребляется **инвариант** платеесеманта – само его широкое значение, осознаваемое как целостность, гештальт, в отвлечении от частных признаков прототипов. Вероятно, в сознании широкозначные единицы закрепляются не в виде совокупности своих прототипов, а именно в инвариантном значении.

В качестве следующего различительного критерия необходимо назвать способность широкозначных слов вступать в **гиперо-гипонимические отношения** [1, с. 18, 19-21] и **образовывать системные группировки** в рамках системы языка [14, с. 49].

Возможность вступать в гиперо-гипонимические отношения позволяет вывести следующий параметр, по которому отличаются широкозначные и многозначные слова. Им является наличие у первых и отсутствие у вторых **референциальной функции** или функции замещения. Именно это свойство позволило ряду исследователей сделать вывод о наличии функционального сходства широкозначных глаголов с местоимёнными словами, подразумевая при этом их способность вступать в анафорическое и катафорическое отношение с языковыми выражениями, содержащимися в более широком контексте. По определению П. Гарда, «местоимённые глаголы – это слова, выполняющие синтаксическую роль глаголов и одновременно определяющие действительность в отношении акта речи» [7, с. 215].

Последний параметр различия платее- и полисемии, включающий в себя несколько составляющих, вытекает из наличия указанной функции замещения, а также из роли глагола как полусвязочного в определённых конструкциях (например, глагол *делать* является полусвязочным в следующих конструкциях *(X) делать Y (каким?)*, *(X) делать Y (Y-ом1)*, где вносит информацию о *преобразовании объекта (делать2)*). Этот критерий заключается в **полифункциональности** широкозначных слов. С одной стороны, имеется в виду участие в прямой и косвенной номинации и, с другой – возможность выполнять лексическую и грамматическую функции, выступая

в роли полусвязки. В последнем случае имеет место **грамматикализация** и, как следствие, сопутствующая ей **частичная десемантизация**. Последние указанные свойства позволяют говорить о **синсемантизме** (выполнении служебных функций) широкозначных слов, выражающемся в том, что для образования коммуникативно достаточной единицы им необходимо «восполнять» содержание посредством связи с другими словами в предложении [1, с. 21] и, возможно, даже в более широком контексте. Представляется возможным проводить различие в целом по перечисленным свойствам (грамматикализация, частичная десемантизация, синсемантизм и полифункциональность), так как они взаимосвязаны и, по сути, представляют стороны одного явления.

Завершая рассмотрение противопоставления явлений платео- и полисемии, попытаемся ответить ещё на один вопрос, единая точка зрения по которому лингвистами достигнута не была: **наличие / отсутствие взаимосвязи этих двух явлений**. Одни учёные считают их диаметрально противоположными, другие, напротив, – неразрывно связанными и сосуществующими в рамках многозначной языковой единицы, в одном или нескольких ЛСВ которой начинает развиваться широкое значение. Вероятно, решение данного вопроса определяется исследуемым материалом, так как каждая языковая единица имеет свой путь развития, хотя, несомненно, имеют место общие тенденции. В любом случае нельзя не признать моносемантичность слова как такового на этапе его появления и становления, лишь со временем происходит развитие его значения, в результате чего оно может стать поли- или платееосемантом.

Освещаемое здесь исследование широкозначных глаголов с общим значением *делать* представляет собой синхронический срез, позволяя представить состояние (семантическую структуру) каждой из исследуемых единиц на данный момент времени. Полученные результаты свидетельствуют о различии в объёме широкого значения, то есть о разной степени широкозначности. Применительно к изучаемым глаголам, вероятно, можно говорить об увеличении такого объёма с появлением в семантике слова признака *отсутствия ориентации на внутреннюю структуру события* и, как следствие, прототипического значения *реализация кванта действия*. Эти два момента позволяют слову совмещаться с более широким классом объектов, обеспечивая крайне высокую степень полиденотативности. Однако различие в объёме исследуемых единиц свидетельствует о том, что они находятся на разных стадиях развития широкозначности. Для прояснения вопроса о таких «стадиях» необходимы данные диахронии, что не входит в цели данного исследования. Тем не менее, опираясь на данные этимологии, можно предположить, что действительно широкозначность развивается из многозначности, идущей в случае определённых единиц по пути всё большего абстрагирования. В какой-то момент, после приобретения ею определённых свойств, многозначность становится широкозначностью. Можно также представить, что между полисемией и платееосемией имеет место множество переходных стадий, но характер этих этапов можно установить, только изучив большое количество единиц как в плане синхронии, так и диахронии.

На данный момент не представляется возможным ответить на вопрос, что является собой порог перехода многозначности в широкозначность. В этом отношении А. Вежицкая пишет об отсутствии градуальности семантических изменений и подчёркивает постепенность их распространения [6, с. 28]. Тем не менее, именно эту проблему можно считать перспективной для дальнейших исследований.

Основываясь на всём вышесказанном, попробуем сформулировать собственное определение изучаемого явления: **широкозначное слово можно определить как полифункциональную единицу, соотносящуюся с понятием широкого объёма, проявляющегося в речи как инвариант, обозначенный самим словом и тождественный прототипическому значению или их совокупности, если таких значений несколько.**

Список литературы

1. **Авдеев А. А.** Проблемы широкозначности и ее соотношение с полисемией и дейксисом (на материале имен существительных английского, русского и французского языков): дисс. ... канд. филол. наук. Воронеж, 2002. 172 с.
2. **Амосова Н. Н.** Основы английской фразеологии / предисл. О. И. Бродович. Изд-е 2-е, доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2010. 216 с.
3. **Ахманова О. С.** Словарь лингвистических терминов. Изд-е 2-е, стереотип. М.: Сов. энциклопедия, 1969. 608 с.
4. **Бондарко А. В.** Лингвистика текста в системе функциональной грамматики [Электронный ресурс] // Структура и семантика. М., 2001. Т. 1. С. 4-13. URL: <http://www.philology.ru/linguistics1/bondarko-01.htm> (дата обращения: 09.06.2013).
5. **Васильев Л. М.** Современная лингвистическая семантика: учебное пособие. Изд-е 2-е, доп. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 192 с.
6. **Вежицкая А.** Язык. Культура. Познание / пер. с англ. яз.; отв. ред. М. А. Кронгауз; вступ. ст. Е. В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. 416 с.
7. **Гард П.** Структура русского местоимения // Новое в зарубежной лингвистике. М.: Прогресс, 1985. Вып. XV. Современная зарубежная русистика. С. 215-226.
8. **Ивлева Н. В.** Фундаментальный глагол действия в языках различных групп. Семантический, функциональный и когнитивный аспекты: дисс. ... канд. филол. наук. Саратов, 2010. 193 с.
9. **Канцельсон С. Д.** Содержание слова, значение и обозначение / под общ. ред. В. М. Жирмундского, М. М. Гухман, С. Д. Канцельсона. Изд-е 3-е. М.: Едиториал УРСС, 2011. 112 с.
10. **Колобаев В. К.** О некоторых смежных явлениях в области лексики (К вопросу о соотношении полисемии и широкозначности слова) // Иностранные языки в школе. 1983. № 1. С. 11-13.
11. **Кубрякова Е. С.** О месте когнитивной лингвистики среди других наук когнитивного цикла и о её роли в исследовании процессов категоризации и концептуализации мира // Когнитивные исследования языка. М. – Тамбов: Ин-т языкознания РАН; Издательский дом ТГУ им. Г. Р. Державина, 2010. Вып. VII. Типы категорий в языке: сб. науч. тр. / гл. ред. серии Е. С. Кубрякова; отв. ред. вып. Н. Н. Болдырев; М-во обр. и науки РФ; Рос. акад. наук; Учреждение Рос. акад. наук Ин-т языкознания РАН; ГОУВПО «Тамб. гос. ун-т им. Г. Р. Державина»; Общерос. обществ. орг. «Рос. ассоц. лингвистов-когнитологов». С. 13-18.

12. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живём. М.: Издательство ЛКИ, 2008. 256 с.
13. Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. Изд-е 2-е изд., доп. М.: Большая Российская энциклопедия, 2002. 709 с.
14. Маринова Е. Д. Синтаксис и семантика некоторых широкозначных глаголов динамического состояния в английском языке (опыт диахронического исследования): дисс. ... канд. филол. наук. Кемерово, 1995. 192 с.
15. Песина С. А. Инвариант многозначного слова в свете прототипической семантики // Вестник ОГУ. Приложение «Гуманитарные науки». Омск, 2005. № 2. С. 57-63.
16. Селивёрстова О. Н. Труды по семантике. М.: Языки славянской культуры, 2004. 960 с.
17. Сигал К. Я. Проблемы теории синтаксиса / Рос. акад. наук; Ин-т языкознания. М.: Ключ-С, 2012. 164 с.
18. Ярцева В. Н. Составное сказуемое и генезис связочных глаголов в английском языке // Труды ВИИЯ. 1947. № 3. С. 29-47.

TO QUESTION OF DIFFERENTIATION BETWEEN PHENOMENA OF PLATEOSEMY AND POLYSEMY

Evtseva Mariya Yur'evna
Moscow City Pedagogical University
korchagina_masha@yahoo.com

The author solves the problem of differentiation between the phenomena of plateosemy (contextually conditioned polysemy) and polysemy (common polysemy) on the basis of the research results of verbs with broad semantics and general meaning –to do”. The main differences of units with broad semantics and polysemantic are related to the principles of semantic construction, which in the case of plateosemy is possible on the basis of a prototypical approach when emphasizing the invariant that correlates with a broad meaning. Other features of the unit with broad semantics are the ability for hyper-hyponymic relations, referential function, multifunctionality.

Key words and phrases: semantic structure; plateosemy (contextually conditioned polysemy); polysemy; prototypical meaning; invariant.

УДК 8; 81:81-2

Филологические науки

Данная статья посвящена сопоставительному исследованию ядерных и периферийных глаголов английского и татарского языков, задействованных в выражении категории косвенной пересказывательности. В содержание исследования входит анализ семантического соответствия данных глаголов, обобщен новый материал по исследуемой проблеме. Автор уделяет определенное внимание частотности употребления ядерных и периферийных глаголов в указанных языках.

Ключевые слова и фразы: косвенная эвиденциальность; косвенная пересказывательность; репортажный способ.

Кадырова Луиза Басировна

Институт экономики, управления и права (г. Казань)
luiza1206@mail.ru

ВЫРАЖЕНИЕ КОСВЕННОЙ ПЕРЕСКАЗЫВАТЕЛЬНОСТИ ГЛАГОЛАМИ АНГЛИЙСКОГО И ТАТАРСКОГО ЯЗЫКОВ©

Любой текст включает в себе информацию, поэтому важным является определение средства доступа к ней. Развивая точку зрения Н. Ю. Муравьевой о том, что восприятие является способом оформления передаваемой информации, в узком смысле *категория эвиденциальности* детерминируется как способ оформления передаваемой информации [8].

Теоретический анализ сущности категории *косвенной эвиденциальности* выполнен посредством обратного истолкования положений, выдвигаемых А. В. Бондарко для категории перцептивности [1], так как две категории представляются нам полярными по значению: 1) это чаще всего эксплицитно выражаемая, факультативная категория, характеризующая определенный тип высказываний и связанная с их коммуникативной и общеинформативной функцией; 2) элемент содержания высказывания, выражающий отношение к действительности не с точки зрения говорящего, а другого субъекта; 3) часто не соответствует моменту речи говорящего, не совпадает с коммуникативным центром временного дейксиса. Как правило, наблюдается расхождение во времени между объектом сообщения и сообщаемым моментом: *Он говорит, что сейчас производят погрузку металлолома*. Единство во времени требует разобщенности в пространстве – сообщаемого факта и момента сообщения. Косвенная эвиденциальность исключает значение конкретной процессности. Обычно сообщают о произошедшем: *Они утверждают, что...* Реже о будущем: *По его мнению, завтра будет дождь*; 4) предполагает, по крайней мере, две пространственные и временные сферы – момент сообщения и момент сообщаемой ситуации. Непроцессное значение совершенного вида предполагает завершенность